

Л. Троцкий

О рабочем контроле над производством

Письмо к товарищам

В ответ на ваш запрос хочу попытаться набросать здесь, для предварительного обмена мнений, некоторые общие соображения, касающиеся лозунга рабочего контроля над производством.

Первый вопрос, который возникает при этом, таков: можно ли представить себе рабочий контроль над производством в качестве постоянного — не вечного, конечно, но очень длительного — режима? Чтоб ответить на этот вопрос, надо яснее определить себе классовую природу такого режима. У рабочих в руках — контроль. Это значит, что собственность и право распоряжения остаются в руках капиталистов. Таким образом режим имеет противоречивый характер, характеризуя собою своего рода экономическое междуцарствие.

Контроль нужен рабочим не для платонических целей, а для того, чтобы практически влиять на производственные и торговые операции предприятий. Но этого нельзя достигнуть, если контроль не переходит в той или другой форме, в тех или других пределах, в прямое распорядительство. Таким образом, в развернутом виде рабочий контроль означает своего рода экономическое двоевластие на заводе, в банке, в торговом предприятии и пр.

Чтоб быть длительным, устойчивым, «нормальным», участие рабочих в управлении производством должно было бы быть основано на классовом сотрудничестве, а не на классовой борьбе. Но такое классовое сотрудничество осуществимо лишь через верхушки профсоюзов и капиталистических объединений. Таких опытов бывало немало в Германии («хозяйственная демократия»), Англии (мондизм)

и пр. Но во всех этих случаях дело идет не о рабочем контроле над капиталом, а о прислужничестве рабочей бюрократии капиталу. Такое прислужничество, как показывает опыт, может длиться долго: в зависимости от долготерпения пролетариата.

Но чем ближе к производству, к заводу, к цеху, тем менее такой режим возможен, ибо здесь дело идет о непосредственных и жизненных интересах рабочих, и весь процесс развертывается на глазах у самих рабочих. Рабочий контроль через завкомы мыслим только на основе острой классовой борьбы, а не сотрудничества. Но это и означает двоевластие на предприятии, в тресте, в целой отрасли промышленности, во всем хозяйстве.

Какой государственный режим соответствует рабочему контролю над производством? Ясно, что власть ещё не находится в руках пролетариата: иначе мы имели бы не рабочий контроль над производством, а контроль рабочего государства над производством, как вступление к режиму государственного производства на основах национализации. Речь идет у нас о рабочем контроле в обстановке капиталистического режима, при власти буржуазии. Однако, буржуазия, которая чувствует себя прочно в седле, никогда не допустит двоевластия на своих предприятиях. Рабочий контроль осуществим, следовательно, только при условии резкого изменения соотношения сил к невыгоде для буржуазии и её государства. Контроль может быть лишь силой навязан буржуазии пролетариатом, на пути к тому моменту, когда он отнимет у нее власть, а затем и собственность на средства производства. Таким образом режим рабочего контроля, временный, переходный по самому своему существу, может соответствовать лишь периоду расшатки буржуазного государства, наступления пролетариата, отступления буржуазии, т. е. периоду пролетарской революции, понимаемой в широком смысле слова.

Если буржуа уже не хозяин, т. е. не вполне хозяин, у себя на заводе, следовательно, он не вполне хозяин и у себя в государстве. Это значит: режиму двоевластия на предприятиях соответствует режим двоевластия в государстве.

Это соответствие не нужно, однако, понимать механически, т. е. так, будто двоевластие на заводе и двоевластие в государстве появляются на свет в один и тот же день. Развернутый режим двоевластия, как один из весьма вероятных этапов пролетарской революции в каждой стране, может в разных странах развиваться по разному из различных элементов. Так, напр., при известных условиях (глубокий и затяжной экономический кризис, большая организованность рабочих на предприятиях, относительная слабость революционной партии, относительная сила государства, имеющего в резерве у себя крепкий фашизм и пр.), рабочий контроль над производством может значительно опередить развернутое политическое двоевластие в стране.

В намеченных только что общими чертами условиях, характерных как раз для Германии, двоевластие в стране может развиваться именно из рабочего контроля, как из главного своего источника. На этом нужно остановиться уже для одного того, чтобы отместить тот фетишизм советской формы, который ввели в оборот Коминтерна эпигоны.

Согласно господствующему теперь официальному взгляду, пролетарская революция может совершиться только через посредство советов, причем советы должны быть созданы непосредственно для целей вооруженного восстания. Этот шаблон никуда не годится. Советы являются только организационной формой, а решается вопрос классовым содержанием политики, отнюдь не её формой. В Германии были советы Эберта-Шейдемана. В России соглашательские советы громили в июле 1917 года рабочих и солдат. После этого Ленин считал одно время, что вооруженное восстание мы совершим, опираясь не на советы, а на завкомы. Этот расчет оказался опровергнут ходом событий, так как мы успели за полтора-два месяца до восстания завоевать важнейшие советы. Но самый пример показывает, как мало мы склонны были рассматривать советы, как панацею. Осенью 1923 года, отстаивая против Сталина и других необходимость перехода в революционное наступление, я боролся в то же время против создания советов в Германии по команде, наряду с фабзавкомками, которые фактически уже начали выполнять роль советов.

Многое говорит за то, что и при нынешнем революционном подъеме фабзавкомки в Германии, на известной стадии своего развития, смогут выполнять роль советов и заменять их. На чем основываю я это предположение? На анализе условий, при которых советы возникли в России в феврале—марте 1917 года, в Германии и в Австрии — в ноябре 1918 года. И там и здесь главными организаторами советов были меньшевики, социал-демократы, вынужденные к этому условиями «демократической» революции во время войны. В России большевикам удалось отвоевать советы у соглашателей. В Германии это не удалось, и потому советы сошли на нет.

Сейчас, в 1931 году, слово «советы» звучит совсем иначе, чем оно звучало в 1917—1918 гг. Теперь это — синоним диктатуры большевиков, следовательно, пугало в устах социал-демократии. В Германии социал-демократы не только не возьмут на себя вторично инициативы создания советов, и не примкнут добровольно к такой инициативе, но будут до последней возможности противодействовать ей. В глазах буржуазного государства, особенно его фашистской гвардии, приступ коммунистов к созданию советов будет равносителен прямому объявлению со стороны пролетариата гражданской войны, и может следовательно вызвать решающее столкновение прежде, чем коммунистическая партия сама сочтет это целесообразным.

Все эти соображения заставляют весьма сомневаться в том, чтобы в Германии удалось создать советы, действительно охватывающие большинство рабочих, до восстания и завоевания власти. Более вероятно, на мой взгляд, что советы в Германии возникнут только на второй день после победы, уже как непосредственные органы власти.

Совсем иначе обстоит дело с завкомками. Они существуют уже сейчас. Их строят и коммунисты, и социал-демократы. В известном смысле завкомки осуществляют единый фронт рабочего класса. Эту свою функцию они будут расширять и углублять по мере революционного прилива. Их роль будет расти, как и их вмешательство в жизнь завода, города, отрасли промышленности, области, наконец, всего государства. Областные, краевые и обще-государственные съезды завкомков могут послужить базой для органов, которые фактически будут выполнять роль советов, т. е. органов двоевластия. Вовлечь в этот режим социал-демократических рабочих

через посредство завкомов будет гораздо легче, чем непосредственно призвать рабочих в известный день и час к строительству советов.

Общегородской центр завкомов может вполне выполнять роль городского совета. В Германии это наблюдалось уже в 1923 году. Расширяя свои функции, ставя перед собой все более смелые задачи, создавая свои обще-государственные органы завкомы могут перерасти в советы, тесно связав социал-демократических рабочих с коммунистами, и послужить организационной опорой для восстания. После победы пролетариата такого рода завкомы-советы должны будут естественно расчлениваться на завкомы, в собственном смысле слова, и на советы, как органы диктатуры пролетариата.

Всем этим мы вовсе не хотим сказать, будто создание советов до пролетарского переворота заранее и полностью исключено в Германии. Нет никакой возможности предвидеть все мыслимые варианты развития. Еслиб распад буржуазного государства далеко опередил пролетарскую революцию, еслиб фашизм расшибся или распался ещё до восстания пролетариата, то могли бы сложиться условия для создания советов, как органов борьбы за власть. Разумеется, коммунисты в таком случае своевременно учли бы обстановку и выбросили бы лозунг советов. Это была бы наиболее благоприятная из всех мыслимых обстановок для пролетарского восстания. Если она сложится, её надо использовать до конца. Но рассчитывать на нее заранее совершенно невозможно. Поскольку же коммунисты вынуждены считаться с ещё достаточно крепким буржуазным государством и с резервной армией фашизма за его спиной, постольку гораздо более вероятным представляется путь через завкомы, а не через советы.

* * *

Эпигоны чисто механически усвоили ту мысль, что рабочий контроль над производством, как и советы, осуществимы только в революционных условиях. Если сталинцы попытаются привести свои предрассудки в известную систему, то они вероятно будут рассуждать следующим образом: рабочий контроль, как своего рода экономическое двоевластие, немислим без политического двоевластия в стране, которое, в свою очередь, немисливо без противопоставления советов буржуазной власти; следовательно — так склонны будут умозаключать сталинцы — выдвигать лозунг рабочего контроля над производством допустимо лишь одновременно с лозунгом советов.

Из всего сказанного выше совершенно ясно, насколько ложно, схематично и безжизненно такого рода построение. На практике оно превращается в своеобразный ультиматум, который партия ставит рабочим; я, партия, разрешу вам бороться за рабочий контроль лишь в том случае, если вы согласитесь одновременно строить советы. Но в том то и дело, что эти два процесса вовсе не должны обязательно идти параллельно и одновременно. Под влиянием кризиса, безработицы и грабительских манипуляций капиталистов рабочий класс, в лице своего большинства, может оказаться готов бороться за уничтожение коммерческой тайны и за контроль над банками, торговлей и производством прежде, чем он придет к необходимости революционного завоевания власти.

Встав на путь контроля над производством, пролетариат будет уже неизбежно толкаться в сторону захвата власти и средств производства. Вопросы кредита,

сырья, сбыта немедленно выводят контроль за стены изолированного предприятия. В такой высоко-индустриальной стране, как Германия, одни вопросы экспорта и импорта сразу должны будут поднять рабочий контроль до общегосударственных задач и противопоставить центральные органы рабочего контроля официальным органам буржуазного государства. Непримируемые по самому существу своему противоречия режима рабочего контроля будут неизбежно обостряться по мере расширения его арены и задач, и скоро станут невыносимыми. Выход из этих противоречий, может быть найден, либо в завоевании власти пролетариатом (Россия), либо в фашистской контр-революции, устанавливающей голую диктатуру капитала (Италия). Именно в Германии, с её сильной социал-демократией, борьба за рабочий контроль над производством вероятнее всего представит собою первый этап единого революционного фронта рабочих, предшествующий их открытой борьбе за власть.

Можно ли, однако, выбросить лозунг рабочего контроля уже сейчас? Достаточно ли для этого «созрела» революционная обстановка? На этот вопрос трудно ответить со стороны. Нет такого измерителя, который позволил бы сразу и безошибочно определить число градусов революционной обстановки. Её приходится проверять в действии, в борьбе, при помощи самых разнообразных измерителей. Одним из этих измерителей, пожалуй, одним из важнейших в настоящих условиях, является как раз лозунг рабочего контроля над производством.

Значение этого лозунга состоит прежде всего в том, что на его основе можно подготовить единый фронт коммунистических рабочих с социал-демократами, беспартийными, христианскими рабочими и пр. Решающее значение имеет поведение социал-демократических рабочих. Единый революционный фронт коммунистов и социал-демократов — ведь это и есть то основное политическое условие, которого не хватает в Германии для непосредственно революционной ситуации. Наличие сильного фашизма является конечно серьезным препятствием на пути к победе. Но фашизм может сохранять притягательную силу только при условии раздробленности и слабости пролетариата, при отсутствии у него возможности вывести немецкий народ на дорогу победоносной революции. Единый революционный фронт рабочего класса сам по себе уже означает смертельный политический удар фашизму.

Вот почему, отмечу мимоходом, сугубо преступный характер имеет политика Правления германской компартии в вопросе о референдуме. Самый злой враг не мог бы придумать более верного средства восстановить рабочих социал-демократов против коммунистической партии и задержать развитие политики единого революционного фронта.

Теперь эту ошибку надо поправлять. Лозунг рабочего контроля может этому чрезвычайно помочь. Но нужен правильный подход. Брошенный без подготовки, в порядке бюрократического приказа, лозунг рабочего контроля может не только оказаться холостым выстрелом, но ещё более скомпрометировать партию в глазах рабочих масс, подорвав к ней доверие и среди тех рабочих, которые сегодня голосуют за нее. Прежде, чем официально выдвинуть этот крайне ответственный боевой лозунг, нужно хорошо прощупать обстановку и подготовить почву.

Начать надо снизу, с завода, с цеха. Надо проверить и примерять вопросы рабочего контроля на жизни нескольких типических промышленных, банковских и торговых

предприятий. Надо взять за точку отправления особенно яркие случаи спекуляции, скрытого локаута, злостного преуменьшения прибылей с целью снижения зарплаты, или злостного преувеличения себестоимости с той же целью и пр. В предприятии, которое стало жертвой подобного рода махинаций, надо, через рабочих-коммунистов прощупать настроение остальной рабочей массы, прежде всего рабочих с.-д.: в какой мере они готовы откликнуться на требование отмены коммерческой тайны и установления контроля рабочих над производством? Начать надо с чисто деловой постановки вопроса, по ярким частным поводам, вести настойчивую пропаганду, измеряя таким образом силу сопротивления социал-демократического консерватизма. Это и будет одним из наилучших способов определения того, в какой мере «созрела» революционная ситуация.

Предварительное прощупывание почвы предполагает одновременно теоретическую и пропагандистскую разработку вопроса партией, серьезное и деловое инструктирование передовых рабочих, прежде всего членов завкомов, видных работников профсоюзов и пр. Только ход этой подготовительной работы, т. е. степень её успешности, может подсказать, в какой момент партия от пропаганды может переходить к развернутой агитации и к непосредственным практическим действиям под лозунгом рабочего контроля.

Политика левой оппозиции в этом вопросе достаточно ясно вытекает, по крайней мере, в основных своих чертах, из сказанного выше. Дело идет на первых порах о пропаганде правильной принципиальной постановки вопроса и об одновременном изучении конкретных условий борьбы за рабочий контроль. Оппозиция должна в малом масштабе, в скромных размерах, отвечающих её силам, приступить к той подготовительной работе, которая выше охарактеризована, как ближайшая задача партии. На почве этой задачи оппозиция должна искать связи с коммунистами, работающими в фабзавкомах и профсоюзах, разъяснять им наше понимание общей обстановки и учиться через них тому, как применять наше правильное понимание развития революции к конкретным условиям завода и цеха.

* * *

ПС. На этом я хотел закончить, но мне приходит в голову, что сталинцы могут сделать такого рода возражение: вы готовы «снять» для Германии лозунг советов; между тем вы нас жестоко критиковали и обличали за то, что мы отказались в свое время выставить лозунг советов в Китае. На самом деле такого рода «возражение» представляет собою самый низкопробный софизм, основанный все на том же организационном фетишизме, т. е. на отождествлении классового существа с организационной формой. Если бы сталинцы в свое время заявили, что в Китае имеются причины, препятствующие применению советской формы, и предложили другую организационную форму единого революционного фронта масс, более приспособленную к китайским условиям, мы, разумеется, отнеслись бы к такому предложению со всем вниманием. Но ведь нам предложили заменить советы Гоминданом, т. е. закабалением рабочих капиталистам. Спор шел о классовом существе организации, а вовсе не об её организационной «технике». Но тут же нужно прибавить, что именно в Китае не было никаких субъективных препятствий для строительства советов, если иметь в виду сознание масс, а не тогдашних сталинских союзников, Чан-Кай-Ши и Ван-Тин-Вея. Никаких социал-демократических, консервативных традиций у китайских рабочих нет. Энтузиазм по отношению к Советскому Союзу был поистине безраздельным. Даже нынешнее крестьянское

движение в Китае стремится принять советские формы. Тем более общим было стремление масс к советам в 1925 — 27 г.г.

Л. Троцкий.
20 августа 1931 г.